

СУДЬБЫ НОВГОРОДСКИХ СВОЕЗЕМЦЕВ В XVI—XVII вв.:
ЗАМЕТКИ ПО ИСТОРИИ СУДЕБ ПОТОМКОВ
ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ РЕСПУБЛИКАНСКОГО ПЕРИОДА*

Основные принципы исследования средневекового землевладения Новгородской земли разработаны В. Л. Яниным в фундаментальной работе, вышедшей в свет в 1981 г.¹ Однако локальных исторических исследований, характеризующих конкретное пространство Новгородской земли, пока проведено недостаточно. Основная причина этого, как нам представляется, — незначительное число актового материала, относящегося к XV столетию и ранее. В массе своей имеющиеся в нашем распоряжении источники относятся к рубежу XV—XVI вв. Прежде всего это — писцовые книги, которые в монографическом исследовании В. Л. Янина играли, пожалуй, вторичную, вспомогательную роль. Предполагаемая работа является попыткой наметить некоторые направления исследования новгородского землевладения как раз на основе писцовых книг, при почти полном отсутствии актового материала. Она посвящена одной категории новгородского общества — землевладельцам небоярского происхождения — житьим людям,² многие из которых в XVI в. получили в московской официальной терминологии название своеземцев.

Проблема своеземцев — мелких землевладельцев новгородских пятин, Подвиная, Ржевы Пустой, возможно, Псковской земли³ — носит довольно запутанный характер. Исследования В. Л. Янина выявили истоки происхождения своеземцев и определили их статус на рубеже XV—XVI вв.⁴ При этом конкретные судьбы этой социальной категории в XVI—начале XVII вв. только начинают разрабатываться. Определенные шаги в этом направлении попытаемся сделать и мы в настоящей работе. Сразу надо оговорить, что выделение своеземцев из всего состава новгородских вотчинников небоярского происхождения республиканского периода достаточно условно. Известно, что члены одной и той же семьи после конфискации Ивана III могли сохранить владения и лишиться их. По наблюдениям А. М. Гневушева, вторая волна конфискации в 1480-х гг. коснулась как раз мелких новгородских вотчинников, часть которых свои владения сохранила.⁵ Таким образом, рассматривая

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ «Историческая география Северо-Запада Новгородской земли XVI—XVIII вв.» (грант № 99-04-00252).

¹ См.: Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. Историко-генеалогическое исследование. М., 1981.

² Подробнее всего вопрос о времени появления и происхождении житьих людей Новгорода освещен в работе Ю. Г. Алексева (Алексеев Ю. Г. «Черные люди» Новгорода и Пскова (к вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины) // Изв. 1979. Т. 103. С. 242—274).

³ О земах во Пскове сохранились лишь очень неясные упоминания. Ср.: Чечулин Н. Д. Города Московского государства // Записки историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. СПб., 1889. Т. 22. С. 125, примеч. 3.

⁴ См.: Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина... С. 157—181.

⁵ См.: Гневушев А. М. Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения к Москве. Киев, 1915. Т. 1. Ч. 1. С. 7.

судьбы потомков этих людей в XVI—XVII вв., мы не видим различия между мелкими вотчинниками, утратившими свои вотчины и их сохранившими.

В ряде случаев боярщины, владельцы которых имели сходные прозвища и о которых почти наверняка можно говорить как о состоящих друг с другом в родстве, располагались в непосредственной близости друг от друга, что, на наш взгляд, указывает на генетическое единство таких групп владений в прошлом как цельной волости, принадлежавшей «родоначальнику» всех более поздних владельцев. Эти волости в некоторых случаях образуют значительные территории, и, что чрезвычайно важно, их владельцы не соотносятся с каким-либо известным по другим письменным источникам боярским родом; то есть со всей уверенностью можно отнести их к житейным людям. Таковы Слузовы, Победицкие, Сарские, Троицкие. Обращение к материалам о владельцах эпохи новгородской независимости в Водской и Шелонской пятинах показывает существование парных топонимов и фамильных прозвищ владельцев. Непосредственные наблюдения над соответствующими друг другу фамильными прозвищами и топонимами позволяют выделить две группы таких пар: антропонимы, образованные от названий селений с помощью форманта -ск, -цк (Победицкий от «Победище», Веряжский от «Веряжино», Лошинский от Лошинского стана, Волмановский от Волмы и т. п.), и топонимы, образованные от уже имевшихся у владельцев прозвищ: «Сверчино» от «Сверчин» и т. п. (последняя продуктивная модель достаточно отчетливо зафиксирована и С. Б. Веселовским на материалах Северо-Восточной Руси⁶). Нас в данном случае будет интересовать лишь первая модель. Эти прозвища, данные по главному (и, возможно, наиболее раннему по времени возникновения) селению волости, к концу XV в. принимают, по всей видимости, родовый характер: в случаях с крупными, разбросанными по всей Новгородчине, владениями мы почти всегда встречаем нескольких землевладельцев с идентичными прозвищами. В течение XVI в. значительная часть своеземческих родов разрастается, следствием чего было дальнейшее измельчание их владений.⁷

Позиция В. Л. Янина, определяющего своеземцев как новгородских вотчинников небоярского происхождения, сохранивших свои владения после конфискации конца XV в., встречается понимание далеко не у всех исследователей. Так, в работе Т. А. Бернштам, посвященной, в частности, географии ландшафтов Важской земли, термин «своеземец» употреблен совершенно в ином значении — «новгородец, первопоселенец» (в Поважье).⁸ Проблема происхождения своеземцев также вызывает сомнения у некоторых исследователей. По мнению видного финского медиевиста и русиста Х. Киркинена, часть своеземцев имела крестьянское происхождение. «В дворянское сословие сумели пробиться богатые карельские крестьяне, некоторые из которых заняли даже вы-

⁶ Веселовский С. Б. Топонимика на службе у истории // Изв. 1945. Т. 15. С. 57—69.

⁷ Преемственность своеземческих фамилий в XVI в. была подмечена Н. Мятлевым (Десятия Водской пятины 1605 г. / Подгот. Н. В. Мятлевым // Известия Русского генеалогического общества. 1911. № 4. С. 450 (далее: Десятия 1605)).

⁸ См.: Бернштам Т. А. Локальные группы Двинско-Важского ареала. Духовные факторы в этно- и социокультурных процессах // Русский Север. К изучению локальных групп. СПб., 1995. С. 260—261.

сокие должности. Наиболее известным является род Роуккула (Рокульские. — А. С.), члены которого фигурируют в документах XV века в числе „пяти родов карельских детей“ и который, видимо, дал название деревне Ровколы в окрестностях Реболы.⁹ Это мнение примыкает к высказанному в 1971 г. суждению Ю. Г. Алексеева о сельском происхождении своеземцев, основанному на том, что фамильные прозвища последних происходят от названий сельских поселений.¹⁰ Впрочем, оно не вполне справедливо: среди «сведенных» новгородских землевладельцев очень многие носили такие фамильные прозвища, и если большая их часть до конфискации, видимо, принадлежала к той же социальной группе, что и более поздние своеземцы (вероятно — житьи люди), и, таким образом, также могли иметь сельское происхождение,¹¹ то все же и многие крупные бояре — Лошинский, Марфа Борецкая — имели прозвища, образованные от названий сельских поселений.¹² По всей вероятности, большинство своеземцев все же владели определенными земельными участками в городе, другие же (по предположению В. Л. Янина — младшие братья) сохраняли только сельские владения и постепенно превращались в крестьян.¹³

Первым вопрос о судьбах своеземцев в XVI в. поставил В. О. Ключевский.¹⁴ Исследователь отмечал, что та их часть, которая сохраняла свои владения в новгородских пятinah до XVII в., окончательно не слилась с дворянами и детьми боярскими (проходила службу на разных с ними основаниях и т. п.). По всей видимости, такое замечание можно распространить только на самое начало XVII в. Оно логично проистекает из опубликованной Н. В. Мятлевым «Десятни Водской пятины 1605 г.».¹⁵ В XVII в. часть своеземцев, как мы покажем ниже, полностью слилась с новгородским дворянством. Заметим, что вопрос о стратификации новгородского служилого сословия XVI в. и о месте своеземцев в военной организации Новгорода досконально не разработан. Не вполне ясно, к примеру, какое место в ней занимали, так называемые пятиобежники, из какой части служилого сословия они верста-

⁹ Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа. Петрозаводск, 1998. С. 59. Следуя вышеупомянутой нами концепции С. Б. Веселовского о происхождении своеземческих прозвищ, не фамилия Рокульских дала название деревне Ровколы, а наоборот.

¹⁰ <Алексеев Ю. Г.>. Водская пятина // Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV—начало XVI в. Л., 1971. С. 189. Впервые мнение о своеземцах как о выдвинувшихся и завладевших землей на вотчинном праве крестьянах было высказано В. Лешковым в 1858 г. (Лешков В. Русский народ и государство. М., 1858. С. 226—227). В последнее время эту точку зрения поддерживает А. А. Фролов (Фролов А. А. Островский погост Деревской пятины во второй половине XV века: история административного устройства // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы науч. конф. 11—13 ноября 1999 г. Великий Новгород, 1999. Ч. 2. С. 31—36).

¹¹ Пусть даже такое «сельское происхождение» будет приписано Победицким, которые владели почти половиной Ладужского уезда.

¹² См.: Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина... С. 55.

¹³ См. там же. С. 175—176; Янин В. Л. Материалы новгородской экспедиции в контексте древнерусской истории // Доклады Института российской истории РАН. 1995—1996. М., 1997. С. 58.

¹⁴ См.: Ключевский В. О. Разбор исследования г. Чечулина «Города Московского государства в XVI веке» // Отчет о 33-м присуждении наград графа Уварова. СПб., 1892. С. 309.

¹⁵ Десятни 1605. С. 435—509.

лись и т. п.¹⁶ Пока можно сказать только, что, с одной стороны, в боевых действиях XVI в. земцы¹⁷ принимали довольно активное участие,¹⁸ а с другой — их боевые качества, обеспеченные возможностью служить со своих крайне небольших владений, были низкими.¹⁹ По наблюдениям М. А. Дьяконова, пятиобежники часто служили городовыми приказчиками, собственно пятиобежный оклад был положен за эту службу.²⁰

В начале XX в. к исследованию судеб своеземцев обращались Н. И. Помяловский и Е. З. Вулих;²¹ в середине столетия эту тему затрагивал П. П. Смирнов.²² В целом итог исследования судеб своеземцев в XVI в. может заключаться в следующем утверждении: в течение XVI—начала XVII вв. своеземцы постепенно растворились в среде других слоев общества, как городского, так и сельского.

Судьбы тех своеземческих родов, которые нам удастся проследить, в целом укладываются в концепцию В. О. Ключевского. В то же время хотелось бы несколько подробнее остановиться на конкретных путях инкорпорации вотчинников новгородского происхождения в другие сословия. Еще Е. З. Вулих предположила, что после первых конфискаций некоторые представители родов мелких новгородских землевладельцев получили поместья наравне с московскими переведенцами.²³ Но это касается только земцев-вотчинников.

Следует подчеркнуть, что картина, которую удастся реконструировать на основании писцовых книг, есть уже определенный итог, резуль-

¹⁶ Н. В. Мятлевым высказано мнение, что пятиобежники — потомки ивангородских земцев (Десятина 1605. С. 462, 494). В этом есть определенный резон, если принять во внимание мнение А. Колмогорова о том, что особенности расселения в Ямском и Ивангородском уездах (большое число крупных деревень, сел и селец) имела своей причиной своеобразное военное поселение новгородских служилых людей близ границы с Орденом.

¹⁷ Мы полагаем термины «земец» и «своеземец» равнозначными.

¹⁸ Так, разрядная книга 1563 г. описывает расположение воинских отрядов в Ливонии: «В Альсте... с Иваном (И. Ляпунов Осинин) Вотцкие пятины земцов 30 человек... В Нове городке Иван Андреев сын Овцын, а с ним Вотцкие пятины земцов 11 человек... В Ругодиве... да Ругодивских помещиков 50 человек, да пятиобежников 30 человек, а со кн. Иваном Бабицевым детей боярских Вотцкие пятины 31 человек, да пятиобежников 25 человек... На Иване городе: с Троицына дни... Дмитрий Федоров сын Нашокин, а с Дмитрием пятиобежников 35 человек... В Сыренске: Иван Васильев сын Саблин Беклемишев, а с ним пятиобежников 15 человек...» (Разрядная книга Полоцкого похода царя Ивана Васильевича. 1563 // Витебская старина. Витебск, 1885. Т. 4. С. 68).

¹⁹ А так доносили об одном из отрядов Московского войска литовские лазутчики еще в сентябре 1534 г.: «А на Вельи Тимофей Буторлин, а при нем 30 земцов таковых, которые теж не могут на службу ехати...» (Вестовая отписка королю Сигизмунду Полоцкого воеводе Яна Глебовича и распросные речи литовских лазутчиков и русских выходцев о происшествиях в Москве, расположении и числе войска и пр. 1534, сент. // Акты Западной России. 1848. Т. 2. № 179. С. 330—333).

²⁰ См.: Дьяконов М. А. Городовые приказчики. Очерк из истории местного управления в Московском государстве XVI века // ЖМНП. 1900. Янв. Ч. 327. С. 66.

²¹ См.: Помяловский Н. И. Очерки из жизни Новгорода в первый век Московского владычества // ЖМНП. 1904. № 7. С. 94—135; Вулих Е. З. К вопросу о своеземцах в составе новгородского общества // ЖМНП. 1914. № 7. С. 101—167.

²² См.: Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до сер. XVII в. М.; Л., 1947. Т. 1. С. 92.

²³ См.: Помяловский Н. И. Очерки из жизни Новгорода... С. 124—125; Новгородские писцовые книги, издаваемые Археографической комиссией (далее: НПК). СПб., 1862. Т. 2. Ст. 883, 885, 887.

тат мобилизации этих владений; наверняка многие из них к моменту конфискаций подверглись наследственному разделу, куплям, обмену и т. п. Причем, вероятно, эта мобилизация сопровождалась дальнейшей колонизацией земель. На это в первую очередь указывает компактность расположения владений землевладельцев-родственников и, с другой стороны, их явная неравноценность в рамках владений одной фамилии.

Рассмотрим некоторые виды службы своеземцев и судьбы некоторых родов на протяжении XVI—XVII вв.

1. Своземцы — служилые люди

В течение XVI в. значительная часть бывших новгородских вотчинников начинает терять свои владения и превращаться в помещиков, то есть владеть своими землями уже на поместном праве. А. М. Гневушев писал, что уже писцовая книга Бежецкой пятины «не оставляет никакого сомнения в служилом характере своеземческого землевладения».²⁴ Еще характернее название документа, составленного в 1594 г.: «Отписная книга поместий у земцев-нетчиков».²⁵ Оно говорит о том, что дезертировавший с боевых действий русско-шведской войны 1590—1593 гг. своеземец терял свои земли, которые вообще-то принадлежали ему истари на вотчинном праве. Такие своеземцы, как Ласунские, Пажинские, Вешенские (см. ниже), пережившие Смутное время, в XVII в. влились в дворянское сословие. По наблюдениям А. М. Гневушева и Н. Мятлева, своеземцы в пятинах подразделялись на несущих дальнюю службу и подможных.²⁶

Городовые земцы составляли, по нашему мнению, совершенно особую группу своеземцев. Их служба была связана с крепостями, в которых они имели осадные дворы. По всей видимости, именно к городским земцам можно отнести поддержанное впоследствии многими другими исследователями утверждение А. Г. Ильинского, считавшего, что они были служилыми людьми Великого Новгорода в домосковское время, сродни московским дворянам и детям боярским.²⁷ Отдельного внимания заслуживает то, какие должности могли занимать новгородские вотчинники в этих городах.

Как показывают наблюдения, земцы использовались в качестве раскльщивиков, гонцов,²⁸ с начала XVII в. им поручали даже отдельные во-

²⁴ См.: Гневушев А. М. [Рец.]: Новгородские писцовые книги, издаваемые Императорской археографической комиссией. Т. 6. СПб., 1910 // ЖМНП. 1912. Май—июнь (т. 39 н. с.). С. 134—147.

²⁵ Отписная книга поместий у земцев-нетчиков. 1594 (вотч. контора, д. 16947) // Материалы Поместного приказа по Новгороду и Новгородской области XVI—XVII вв. / Под общ. ред. А. А. Новосельского и А. И. Яковлева. М., 1928 // СПБ ФИРИ. Кол. 276. Оп. 1. Д. 92.

²⁶ См.: Загорский В. Ф. Землевладение Шелонской пятины // Журнал Министерства юстиции. 1909. № 10. С. 202; Десятня 1605. С. 453—454.

²⁷ См.: Ильинский А. Г. Городское население Новгородской области в XVI веке. Глава 2 // Историческое обозрение. 1897. Т. 9. С. 127; Самоквасов Д. Я. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского государства XV—XVII столетий. М., 1905. Т. 1. Ч. 1. С. 165; Десятня 1605. С. 451; Курпичников А. Н. Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984. С. 97.

²⁸ «...а ис Корелы велено ее отослати в Выбор з земцом, с кем пригоже...» (Грамоты царя Ивана Васильевича к Иоанну, королю шведскому. 1572—1573. № 2. 1573. 6.01 //

просы, связанные с поместным делопроизводством.²⁹ Известны назначения своеземцев приказчиками дворцовых волостей.³⁰ По всей вероятности, вершиной карьеры своеземцев может быть служба в городских приказчиках. Как показал Н. Е. Носов, городской приказчик в России XVI в. — выборная должность служилого сословия, наподобие городского коменданта.³¹ Заняв эту должность, земец мог считать себя полноправным членом дворянской корпорации.

Нам известны четыре городских приказчика-своеземца в XVI—начале XVII вв. — два в Кореле, по одному — в Орешке и Ладоге. В Кореле в 1568 г. упоминается городской приказчик, земец Василий Иванович Турубаров,³² владевший деревней у Сванского озера в Михайловском Сакульском погосте,³³ городovým приказчиком был и один из представителей вышеупомянутого рода Рокульских.³⁴ Один из других корельских своеземцев — Бабинских (также известных с 1500 г.), владевший деревней Бабье у Городка близ Корелы,³⁵ стал к 1602/03 г. губным старостой Корельской половины Водской пятины.³⁶

Третий городской приказчик-земец известен в Ладоге в годы шведского военного присутствия. Заметим, что исследовавший институт городских приказчиков Н. Е. Носов специально отмечал, что в XVI в. в Ладоге их не было.³⁷ Они, вероятно, и появляются только с конца XVI в., после строительства в Ладоге деревоземляной крепости. Следующий известный нам городской приказчик Ладоги упомянут только в 1633 г.³⁸ Характерна и личность ладожского городского приказчика. Это Афанасий Любский — потомок своеземцев Любских. Создается впечатление, что служба в городских приказчиках в новгородских при-

ЛЗАК. СПб., 1871. Вып. 5. Отд. 3. С. 47). Таким образом, администрация недвусмысленно заявляет, что самое подходящее — послать документ с земцем, что это характерно именно для земецкой службы.

²⁹ «К сим отдельным книгам Ореховской земец Мокейко Верин руку приложил» (Отдел поместья кн. Ивану Федорову сыну Мышецкого в Дудоровском и Корбосельском погостах Водской пятины. 1612. 14.11 — ГАШ; СПб ФИРИ. М/ф 320, без паг.).

³⁰ В конце XVI в. таким приказчиком дворцовой волости на Ладожском порог «от ладожского воеводы» был своеземец Иван Нешюев сын Фомин (Тверской музей и его приобретения в 1885 г. Тверь, 1886. [отг. из ТГВ]. № 214).

³¹ См.: *Носов Н. Е.* Городовые приказчики и губные старосты Русского государства первой половины XVI века (Очерки по истории местного управления). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1955.

³² Десятня 1605. С. 464; Писцовая книга Водской пятины 1568 г. // *История Карелии XVI—XVII вв. в документах.* Петрозаводск; Йознсуу. Т. 1. 1987. С. 55.

³³ Писцовая книга Водской пятины 1568 г. ... С. 134.

³⁴ Мы не нашли в источниках упоминания о том, что Корельским городovým приказчиком был Некрас Иванов Рокульский и пользуемся здесь данными, приведенными И. А. Черняковой (*Чернякова И. А.* Карелия на переломе эпох. Очерки социальной и аграрной истории XVII в. Петрозаводск, 1998. С. 18).

³⁵ Писцовая книга Водской пятины 1568 г. ... С. 80.

³⁶ Книги переписные судным и разбойным и татинным делам и запискам и книгам приходным пошлинным денгам с судных и с управных дел и холопым книгам, которые дела были в Судном приказе при разных воеводах и владыках. 1586—1596. (СПб ФИРИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 12. Л. 361 об.).

³⁷ См.: *Носов Н. Е.* Очерки по истории местного управления Русского государства первой пол. XVI в. М.; Л., 1957. С. 103.

³⁸ Книги разрядные по официальным оных спискам. СПб., 1855. Т. 2. Ст. 681—682.

городах была скорее характерна для земцев, а не составляла исключение.

В Орешке городовым приказчиком в 1605 г. был Тренка (Третьяк) Филиппов сын Немков.³⁹ Ранее Третьяк Немков упоминается как посылный к царю Борису Годунову в 1599/1600 г.; таким образом, мы наблюдаем ступени карьеры этого земца.⁴⁰ Своеземцы Орешка занимают особое место среди городских земцев. При самой общей оценке писцовой книги Водской пятины 1500 г. обращает на себя внимание большое число своеземцев в северных погостах, в первую очередь в Куйвошском, Келтушском, Корбосельском и Спасском Городенском.⁴¹ Видимо, прав А. Н. Кирпичников, писавший об ореховских земцах, что «эта социальная группа потомственно существовала в Орешке с новгородской поры, возможно, с момента основания города... Своеземцы наделались землей в ближайшей к городу округе, за что должны были нести войсковую службу... (в этом смысле они были в какой-то степени предшественниками служилых помещиков XVI в.)». ⁴² Именно в этих погостах Ореховского уезда владели землями ореховцы Охтенские,⁴³ Плавковские (Плавковы)⁴⁴ и Немковы.⁴⁵

Кроме почетной службы в городских приказчиках мы встречаем в XVI в. своеземцев, утративших, вероятно, связь с родовыми владениями. Занятно, что представители рода Рокульских (о которых мы упоминали выше) в конце XVI в. служат совсем не «своеземческую» службу — в 1588/89 г. упоминается казачий голова Мирон Рокульский, ведущий тяжбу с игуменом Медведского монастыря Феодоритом.⁴⁶ Мирон Рокульский — видный представитель рода земцев Рокульских, получивших свое прозвание, по всей вероятности, по деревне Ровкала в Михайловском Сакульском погосте Водской пятины.⁴⁷ Он упомянут в десятне 1605 г. как земец Водской пятины с самым большим окладом в 300 четвертей.⁴⁸

³⁹ «Орешковский земец был в Орешке в городских приказчиках, а поместным окладом и денежным жалованием был не верстан. А ныне по грамоте во 114 году поместным окладом и денежным жалованием поверстан. Служити ему с пятиною вместе. 150 чети. Тренка Филиппов сын Немков» (Десятня 1605. С. 490).

⁴⁰ Новгородские кабальные книги 7108 (1599—1600) года. СПб., 1894. С. 34.

⁴¹ На это в свое время обратил внимание еще Н. И. Помяловский (*Помяловский Н. И. Очерки из жизни Новгорода...* С. 128).

⁴² *Кирпичников А. Н. Каменные крепости Новгородской земли...* С. 97.

⁴³ НПК. СПб., 1868. Т. 3. Ст. 829.

⁴⁴ Там же. Ст. 827; Переписная и окладная книга Водской пятины. Вторая половина / Публ. М. Оболенского // ВОИДР. М., 1851. Т. 11. С. 176—178, 183—184 (далее: ВОИДР).

⁴⁵ НПК. Т. 3. Ст. 829; ВОИДР. С. 189—190, 226—227.

⁴⁶ Книги переписные судным и разбойным и татиным делам и запискам и книгам приходным пошлинным денгам с судных и с управных дел и холопьем книгам, которые дела были в Судном приказе при разных воеводах и владыках. 1586—1596 (СПб ФИРИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 12. Л. 257).

⁴⁷ Писцовая книга Водской пятины 1568 г. С. 136.

⁴⁸ Десятня 1605. № 415. С. 483.

2. Софийские дети боярские

Другая группа своеземцев в XVI в. приходит на службу к новгородскому архиепископу. Самый известный род — это своеземцы Пиркиничкого погоста Обонежской пятины Тяполковы. Они названы своеземцами в писцовой книге 1563 г.,⁴⁹ причем эта книга упоминает какое-то земечкое «московское верстанье» 7065 (1554/55) г.⁵⁰ С 1577 г. до середины XVII в. Тяполковы упоминаются в источниках как архиепископские дети боярские.⁵¹

Нет никаких сомнений в том, что именно за счет своеземцев Обонежской пятины в XVI в. комплектовался двор новгородских владык. Вплоть до XVIII в. мы встречаем на службе у владыки потомков этого сословия. Примечательно, что после своего вторичного испомещения в Обонежье на Софийских землях эта часть софийского дворянства чрезвычайно размножилась и частью стала однодворцами. Как писал И. П. Мордвинов, их «потомки стали однодворцами — землепашцами и на севере уезда донныне заселяют целые деревни однокоренными родами (Качаловых, Сафоновых, Тютримовых, Левских и т. д.)».⁵² То же в конце 1920-х гг. наблюдалось в соседнем Лодейнопольском уезде: «внутри района, занимаемого вепсами, встречаются русские деревни. Крестьяне таких деревень являются обедневшими потомками русских мелкопоместных приюятских дворян-помещиков...».⁵³ Добавим также, что из среды софийских дворян вышли многие известные новгородские приказные, такие, как Семен Лутохин — новгородский дьяк в 1611—1616 гг., чья припись стоит на огромном числе документов, составленных в Новгороде в годы шведского военного присутствия; в 1618—1619 уже на московской службе он служил дьяком во Пскове, а в 1619/20 г. — воеводой в Торжке.⁵⁴ Между тем предки и потомки Семена Гневашева сына Лутохина — среди новгородских софийских дворян конца XVI—XVII вв.⁵⁵ К этой же категории людей относились и софийские дворяне Бухвостовы, из которых самым известным был солдат Преображенского полка Сергей Бухвостов. Они также известны по источникам с конца XVI в.⁵⁶ Заметим, впрочем, что путь на службу к церковным иерархам не был характерен исключительно для земцев Обонежской пятины. Один факт перехода земца Водской пятины на службу к Корельскому епископу зафиксирован нами в начале XVII в.⁵⁷

⁴⁹ Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Материалы по истории народов СССР. Л., 1930. Вып. 1. С. 101.

⁵⁰ Там же. С. 102.

⁵¹ См.: Греков Б. Д. Описание актовых книг, хранящихся в архиве Императорской археографической комиссии. Пг., 1916. С. 86, 91, 118, 123, 161.

⁵² Мордвинов И. П. Старый Тихвин и Нагорное Обонежье. 2-е изд. Тихвин; СПб., 1999. С. 15.

⁵³ Малиновская З. П. Из материалов по этнографии вепсов // Западно-финский сборник (Тр. Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран). Л., 1930. С. 167.

⁵⁴ См.: Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие Московского государства XVI—XVII вв. М., 1975. С. 305.

⁵⁵ См.: Греков Б. Д. Описание актовых книг... С. 144—160.

⁵⁶ См.: Крушельницкая Е. В. Комментарии // Мартирий Зеленецкий и основанный им Троицкий монастырь. СПб., 1998. С. 233.

⁵⁷ «Земец Невежка Степанов Бараков, окладчики сказали, служит у епископа Корельского в детях боярских» (Десятина 1605. С. 503).

По всей вероятности, переход земцев Обонежской пятины на службу Софийскому дому был обусловлен поступлением в XVI в. в Новгородский Софийский дом большого земельного фонда именно в этом районе, когда Софийский двор начал складываться (или претерпел значительные изменения).

Часть своеземцев шла в послужильцы не только в Софийский дом, но и к крупным светским вотчинникам. Так, в начале XVII в. представитель фамилии Буйносовых Василий Богданов пошел служить в холопы к Никите Вельяминову.⁵⁸

3. Духовное сословие

В Софийском собрании Отдела рукописей РНБ хранится Октоих с надписью 1511—1521 гг. Эта книга была написана в Ивановском монастыре на Малышевой Горе и отдана в Воскресенскую Ладожскую церковь. В конце записи приведена подпись переписчика: «А писал книги си рекомый Олтайка Иванец Потафьев Любского государю священноиную игумену Михаилу». Вероятно, этот переписчик являлся причетником Ивановского монастыря (о причетниках этого монастыря до 1572 г. нам более ничего не известно). Деревня Любша Васильевского погоста Обонежской пятины располагалась как раз напротив Ивановского монастыря на Малышевой Горе.

В писцовой книге Обонежской пятины 1583 г. среди пустых своеземческих земель Васильевского погоста на Волхове упомянуты бывшие деревни Ширия Михаила сына Любского, который владел ими, вероятно, в середине XVI в. Деревни Ш. М. Любского были маленькой волосткой на правобережье Волхова, со всех сторон окруженной другими небольшими своеземческими владениями. Среди селений, примыкавших к деревням Ш. М. Любского, известна пустошь, где была деревня Любша. По всей видимости, именно эта запустевшая к 1583 г. деревня и дала прозвища как своеземцу Ш. М. Любскому, так и Олтайке Любскому. На основании имеющихся источников невозможно точно установить характер отношений между ними, но общее фамильное прозвище определенно указывает на их родство.

Сведения о другом церковном причетнике-своеземце относятся к рубежу XVI—XVII вв. Этот причетник — дьячок Меншичко Никифоров Кречатников — переписал несколько обыскных и отдельных книг по Лусскому погосту Водской пятины. Он служил в Воскресенской церкви села Гузи, принадлежавшей Никольскому Вяжицкому монастырю. Нам известно шесть документов, подписанных этим дьячком. Все они составлены между 28 марта 1599 г. и 23 апреля 1600 г. Еще один Кречатников — Шестячко — служил в 1585—1590 гг. службой в Духове монастыре.⁵⁹

Писцовые книги конца XV—начала XVI вв. содержат сведения о принадлежности части церковных причетников и членов их семей к категории своеземцев. Нам известны четыре случая такой принадлежности. В Новгородском уезде это очень небольшие владения двух детей

⁵⁸ Десятня 1605. С. 503.

⁵⁹ Книги переписные судным и разбойным и татиным делам... Л. 224, 272.

священника Гдицкого погоста Филимона — Бориски в Лусском погосте⁶⁰ и Федосейки в Городенском погосте Водской пятины⁶¹ и в Бельском погосте Шелонской пятины.⁶² Особого внимания заслуживают владения попа Елисея (Алексея) из Солецкого погоста, обозначенные как «отчина».⁶³ В Ореховском уезде землями в разных погостах владел сын Спасского попа из г. Орешка Василий.⁶⁴ В Русе среди своеземцев Песья Конца назван Грихно Дорофеев, пономарь Дмитриевской церкви.⁶⁵ Все эти случаи относятся не к церковному землевладению, а именно к частному землевладению церковных причетников. Однако позднее эти зафиксированные на рубеже XV—XVI вв. явления не находят развития. Кроме того, неясно, о чем, собственно, они свидетельствуют: о комплектовании церковного причта или о фиксации земельных владений за церковными причетниками. В этой связи наши наблюдения фиксируют как раз обратный процесс — светские измелчавшие вотчинники инкорпорируются в состав церковного причта.

4. Крестьяне

Слияние своеземцев с крестьянским сословием также сопровождалось, на наш взгляд, некоторыми особенностями. Нам известны случаи, когда земцы не растворяются в крестьянской массе, но даже потеряв статус вотчинника, тем не менее занимают в деревне нерядовые позиции.⁶⁶

Одного из своеземцев упомянутого рода Тяпалковых Обонежской пятины в 1568/69 г. мы встречаем старостой опричной Водлозерской волости, приписанной к Каргополю.⁶⁷ Правда, эта должность скорее близка должности приказчика дворцовых сел.

Отписная и межевая книга Гесовской волости 1573 г. называет старосту дворцового села Тесова — Миню Сочевичина. Миня (Дмитрий) Сочевичин происходил из своеземцев. Он был потомком Андрея Матфеева Сочевичина — постоянного соседа Ф. Ф. Сверчина-Кречатникова (см. ниже) по владениям в Климентовском Тесовском⁶⁸ и Никольском Ижерском⁶⁹ погостах. В 1500 г. они оба жили в д. Сверчино. При этом писцовая книга 1582 г. среди порозжих земель Климентов-

⁶⁰ НПК. Т. 3. Ст. 50.

⁶¹ Там же. Ст. 268—269.

⁶² НПК. Т. 4. СПб., 1884. Ст. 79.

⁶³ НПК. Т. 3. Ст. 444.

⁶⁴ ВОИДР. С. 137, 191, 247—248.

⁶⁵ НПК. Т. 5. СПб., 1905. Ст. 208.

⁶⁶ Так, вероятно, происходило не всегда: к примеру, земец Юрий Фалицын, семья которого потеряла свои «земецкие поместья» после перемирия со Швецией 1583 г., числился живущим «во крестьянех», тогда как о его брате Игнате было сказано, что он «ворует и разбивает» (Тверской музей и его приобретения в 1885 г.).

⁶⁷ «Список с сотной грамоты с книг каргополских, что отмежевал Ондрей Иванович Плещеев да подьячей Ушак Микитин от ноугородского от земского рубежа от Обонежские пятины к государеве цареве и великого князя опричнине к Каргополю Водлозерскую волость, а после того писал и мерил те примезеванные земли данной староста Микула Григорьев сын Тяпалков с товарищи лета 7070 седмого» (Садиков П. А. Московские приказы — «четверти» во времена опричнины (1565—1584) // ИЗ. 1941. Т. 10. С. 133—134).

⁶⁸ НПК. Т. 3. Ст. 75—76.

⁶⁹ ВОИДР. С. 431.

ского Тесовского погоста упоминает земли земцев Митьки и Ивашки Ондреевых детей Сочевичиных.⁷⁰ Интересно, что, согласно той книге, среди ямских охотников Спасского яма назван Ганша Ананьин сын Сочевичин, несомненно, принадлежащий к роду своеземцев XVI в.⁷¹ Отчество Мини Сочевичина — Иванов — известно нам из отписной книги Ивана Левшина 1578 г.⁷² Можно предположить, что Дмитрий Иванов Сочевичин был сыном Ивана Ондреева Сочевичина, чьи владения запустели к 1582 г., и внуком известного в 1500 г. земца Андрея Матфеева Сочевичина. Во второй половине XVI в. Дмитрий Сочевичин стал старостой села Тесова. В десятне Водской пятины 1605 г. упоминается последний известный нам представитель рода Сочевичиных, принадлежавший, однако, к служилому сословию, — умерший после денежной раздачи 107 (1598/99) г. Терех Истомир сын Сочевичицкий, земец с окладом в 50 четей, служивший Новгородскую службу.⁷³

Это не единственный, по нашим сведениям, случай, когда своеземцы становятся старостами дворцовых сел. Следующий известный нам староста Тесовской дворцовой волости — Даниил Ласунский (см. ниже).

5. Городская корпорация

Мы уже упоминали о специфике категории городских земцев. Видимо, карьера рассыльщика, городского приказчика была доступна далеко не для всех представителей сословия. Земские владения в XVI в. по большей части крайне невелики, и, как отмечал П. П. Смирнов, многие городские земцы со временем становятся просто городчанами, постепенно переходя в тягло.⁷⁴ Однако в городах в XVI—XVII вв. многие из бывших вотчинников занимают разные посты на земской и государственной службе, а часть их, вероятно, инкорпорируется в торговое сословие. Так, среди новгородских площадных подьячих рубежа XVI—XVII вв. мы встречаем Кирила Иванова сына Трызнава⁷⁵ (через несколько лет тот же Трызнав упомянут в качестве послуха при составлении поручной записи⁷⁶). Вряд ли случайно фамильное прозвище этого новгородца совпадает с именем одного землевладельца Будковского поста Водской пятины, лишившегося своих владений при конфискациях Ивана III, — Ивана Дементьева Трызнава.⁷⁷ Встречаются и другие новгородские подьячие своеземческого происхождения. В 1573/74 г. одним

⁷⁰ Подлинная писцовая книга Воцкой пятины письма и дозора С. Дмитриева, Е. Старого и подьячего С. Киселева. 1582 (РГАДА. Ф. 1209. Д. 958. Л. 8, 10 об.).

⁷¹ Там же. Л. 23.

⁷² Список с отписной и межевой книги с. Тесова государева приказчика села Тесова Ивана Левшина. 1578. 24.06 (ОР РНБ. QIV, 28. Л. 41 об.).

⁷³ Десятня 1605. С. 509.

⁷⁴ Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до сер. XVII в.

⁷⁵ 25 мая 1595 г. (Новгородские записные кабальные книги 100—104 и 111 годов. М.; Л., 1938. Ч. 1. Ст. 102).

⁷⁶ Поручные записи по ямских охотников Алексеевской слободы. 1602. 5 — 24.05 (Дела Тайного приказа. Т. 2 // РИБ. СПб., 1908. Т. 22. Ст. 415—420).

⁷⁷ Один из совладельцев д. Брус (НПК. Т. 3. Ст. 303; 340—341). Интересно, что неподалеку от д. Брус находилась деревня с характерным названием Трызнаво Чаталницы (Там же. Ст. 350).

из устроищиков Валдайского яма был Томила Вясковицкий⁷⁸ — вероятный потомок своеземца Дмитриевского Городенского погоста Водской пятины в 1500 г. Самухи Вясковицкого.⁷⁹

Из лиц торгового сословия обращает на себя внимание род новгородцев Врудских, известных по Таможенным книгам 1610—1613 гг. Часть представителей этого рода жила в Новгороде на Рогатице, а часть — в Ивангороде. Фамильное прозвище Врудских связывает их с соответствующим погостом Водской пятины. Вполне вероятно происхождение и этих жителей Новгорода из своеземцев (во Врудском погосте в 1500 г. известна семья своеземцев Воронкиных, живших в д. Хотенковичи и Горка⁸⁰).

* * *

При исследовании исторической географии землевладения Новгородской земли наблюдаются «гнезда» владений отдельных семей вотчинников, которые не соотносятся с известными по летописям боярскими родами, но в то же время им принадлежат огромные владения (более целого погоста).

Рассмотрим подробно несколько таких случаев в Водской и Шелонской пятинах. Этот регион выбран нами не случайно. Своеземцы именно этих пятин сохраняют черты консолидированного сословия дольше всего. Так, в «Десятне новиков», поверстанных на службу в 1596 г., земцы упоминаются только в этих пятинах.⁸¹ Другие наши наблюдения показывают, что, к примеру, в Обонежской пятине судьбы своеземцев в XVI—XVII вв. были иными.

Нам представляется интересным остановиться более подробно на судьбе нескольких родов бывших новгородских вотчинников в сравнении. При этом мы рассмотрим как историю тех фамилий, что полностью утратили свои вотчины после боярского вывода Ивана III, так и тех, что частично или полностью сохранили свои земли.

1. *Победицкие*. В руках Победицких к моменту боярского вывода оказалось более половины Ладожского уезда, причем как в ее западной, «Водской», так и в восточной, «Обонежской» части,⁸² они владели небольшими территориями в Заонежье,⁸³ в Ореховском⁸⁴ и Новгородском⁸⁵ уездах; однако ни один из Победицких не может быть соотнесен с известными нам новгородскими посадниками и даже тысяцкими. Принимая за доказанные положения В. Л. Янина о непополняемости новгородского боярства как социальной группы и о том, что «облада-

⁷⁸ Устройные книги Валдайского яму подьячего Василия Сиверицына и Томилы Вясковицкого. 1573/74 (ОР РНБ, Q IV, 260. Л. 214—244).

⁷⁹ НПК. Т. 3. Ст. 263.

⁸⁰ Там же. Ст. 858—860.

⁸¹ Десятня новиков, поверстанных в 1596 году // Подгот. Н. П. Лихачевым // Известия Русского генеалогического общества. 1909. № 3. С. 192.

⁸² Ср. в «Платежно-приходной книге Ладожского наместничества» середины XVI в. описание Никольского погоста на Сяси: «царя и великого князя деревни, что были Федоровские Победицкого» (*Самоквасов Д. Я.* Архивный материал... С. 184).

⁸³ Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. ... С. 59, 103.

⁸⁴ ВОИДР. С. 281—282.

⁸⁵ НПК. Т. 3. Ст. 414—415.

ние крупными вотчинами не давало боярского титула»,⁸⁶ следует признать в Победицких житъях — землевладельцев среднего социального статуса (житъях), но с огромными вотчинами (не исключено, что в наших руках находятся данные не обо всех владениях этой семьи). В то же время компактность их владений и имена (Федор Яковлев Победицкий, Дмитрий и Семен Ивановы Победицкие, Микула Остафьев Победицкий) позволяют считать, что они — владельцы данных территорий в третьем или четвертом (но не во втором!) поколении; сложение же крупной вотчины в Ладожском уезде следует отнести, вероятно, к рубежу XIV и XV вв.

2. *Сарские*. Похожая картина наблюдается и при рассмотрении землевладения семьи Сарских. Их земли располагались в Теребужском,⁸⁷ соседнем Лопском⁸⁸ погостах Водской пятины, Лосском,⁸⁹ Офремовском⁹⁰ погостах Шелонской пятины, Холыньском погосте Деревской пятины,⁹¹ Остречинском,⁹² Богоявленском на Сяси⁹³ и Никольском в Ярославичах⁹⁴ погостах Обонежской пятины, а также на Двине.⁹⁵ В писцовой книге Обонежской пятины 1583 г. в Богоявленском погосте на Сяси зафиксирована «пустошь, что была деревня Усадище Гавриловское Сарского»⁹⁶ (Гаврила Иванов Сарский — среди землевладельцев западной части Ладожского уезда); вероятно, именно это селение было центральным в волостке, обозначенной в «Платежно-приходной книге Ладожского наместничества» середины XVI в. в том же Богоявленском погосте как «царевы и великого князя деревни Гавриловские Карского».⁹⁷ Рядом, в том же погосте среди земцев мы находим черницу Офимью, Труфанову дочь Сарского.⁹⁸ Характерно, что другие Сарские — Степан Труфанов и Константин Труфанов — владеют землями или одновременно в Ладожском и других уездах (Степан), или только в других (Константин), тогда как Гаврило Иванов Сарский — землевладелец только Ладожского уезда, ему же принадлежала и деревня Сар Большой Двор в Егорьевском Теребужском погосте.⁹⁹

Кроме того В. Л. Янин идентифицировал отца Степана и Константина Сарских (впрочем, он знает лишь Константина: исследователь пользовался, видимо, указателем к шести томам Новгородских писцо-

⁸⁶ См.: Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина... С. 213.

⁸⁷ ВОИДР. С. 55—56, 77.

⁸⁸ Там же. С. 271—273, 275—276.

⁸⁹ НПК. Т. 5. Ст. 53.

⁹⁰ НПК. Т. 4. Ст. 344.

⁹¹ НПК. Т. 2. СПб., 1862. Ст. 496.

⁹² Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. ... С. 105.

⁹³ Подлинная писцовая книга поместных, монастырских и церковных земель Обонежской пятины Заонежской половины письма и дозора А. В. Плещеева и подьячего С. Кузьмина. 1583 (РГАДА. Ф. 1209. Д. 963. Л. 223 об.).

⁹⁴ Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. ... С. 254.

⁹⁵ См.: Копанев А. И. К вопросу о структуре землевладения на Двине в XV—XVI вв. // Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968. Приложение. С. 453—462.

⁹⁶ Подлинная писцовая книга поместных, монастырских и церковных земель Обонежской пятины Заонежской половины письма и дозора А. В. Плещеева и подьячего С. Кузьмина... Л. 230 об., 231.

⁹⁷ Самохвасов Д. Я. Архивный материал... Т. 1. Ч. 2. С. 183.

⁹⁸ Там же. С. 184.

⁹⁹ ВОИДР. С. 77.

вых книг, опубликованных Археографической комиссией,¹⁰⁰ но не обращался к данным той части писцовой книги Водской пятины писца Дмитрия Китаева, которая была опубликована в 1851 г. Московским обществом истории и древностей Российских, без указателя; в ней как раз и помещены данные 1500 г. по Ладожскому уезду¹⁰¹). Это — тысяцкий Трифон Юрьевич, участвовавший в 60-х гг. XV в. в передаче Двинских волостей великому князю и известный по акту 1459/60 г.¹⁰² (заметьте, что среди землевладельцев Двинского уезда назван Степан Трифонов сын Сарский,¹⁰³ то есть вышеупомянутый Степан Труфанов Сарский). Таким образом, Гаврило Сарский должен быть скорее всего племянником Трифона Юрьевича, а отец Трифона (названного, кстати, Труфаном Сарским в «Списке Двинских земель» 70-х гг. XV в.¹⁰⁴), Юрий, — владельцем значительной волости на западе Ладожского уезда и на правом берегу Волхова.

История с землевладением Сарских является поучительной и еще в одном отношении. Выше я отметил, что Трифон Сарский назван тысяцким. Но должность тысяцкого, как известно, могла замещаться как боярами, так и жителями; занимающий же должность являлся выразителем интересов житей в Новгородском государстве; так что здесь, видимо, социальная атрибуция достаточно очевидна (учитывая, конечно, что представителей фамилии Сарских мы также не находим среди бояр). По всей вероятности, большинство Сарских были переведены Иваном III в Северо-Восточные уезды. Возможно, костромские помещицы 1709 г. — Татьяна, Матрена, Прасковья Сарские — родственницы новгородских Сарских.¹⁰⁵

3. *Троицкие*. В писцовой книге 1500 г. упомянута группа сведенных землевладельцев-вотчинников преимущественно Тигодского погоста, объединенных общим фамильным прозвищем Троицких. В их руках к моменту боярского вывода находилось все течение р. Тигоды от д. Вылеги до устья Равани. Писцовая книга 1500 г. знает нескольких Троицких: Федора Иванова, Федора и Якима Михеевых и Якова и Пантелая Александровых,¹⁰⁶ причем у одного из Федоров кроме волости на Тигоде имелось в руках еще небольшое владение в Куйвошах,¹⁰⁷ которое, видимо, следует рассматривать как позднейшую «куплю» одного из представителей этой семьи. Заметим, что в других новгородских пятинах Троицкие среди землевладельцев не названы. Родовая, изначальная вотчина Троицких, по которой они и получили свое прозвище, распо-

¹⁰⁰ Указатель к Новгородским писцовым книгам, изданным Археографической комиссией. СПб., 1915.

¹⁰¹ См.: ВОИДР.

¹⁰² См.: Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина... С. 100.

¹⁰³ Аграрная история Северо-Запада России. Конец XV—первая половина XVI в. Л., 1971. С. 284. На родственную связь Степана и Трифона Сарских указывал в свое время А. И. Копанев (см.: Копанев А. И. К вопросу о структуре землевладения... С. 445).

¹⁰⁴ Краткий список Двинских волостей, принадлежавших великому князю московскому, с указанием управлявших ими московских кормленщиков и обид, причиненных новгородцами. 1471, 25 марта // АСЭИ. М., 1964. Т. 3. С. 31, № 15.

¹⁰⁵ Подробная опись 272 рукописей конца XVI до начала XVII столетия Второго (Шевлягинского) собрания Линевого архива с приложениями / Сост. Н. Н. Селифонов. СПб., 1892. № 94. С. 23.

¹⁰⁶ НПК. Т. 3. Ст. 368—374.

¹⁰⁷ ВОИДР. С. 173—174.

лагалась в Поозерье, близ села Троицкого, в двух деревнях — Застружье, Селиваново и Ретень. В волостке близ Троицкого села они являлись совладельцами с несколькими другими известными родами, в частности со вдовой Семена Шенкурского Настасьей.¹⁰⁸ Яков и Пантелей Троицкие владели также пожнями в Васильевском Курецком погосте, а Пантелей — еще и несколькими дворами в Русе.¹⁰⁹ Писцовая книга Шелонской пятины около 1501 г. указывает и на местожительство Троицких в Новгороде — в районе Витковы улицы.¹¹⁰

Такое размещение вотчин Троицких вдоль р. Тигоды интересно и еще с одной стороны. Указание на «тигожан» — по всей видимости, жителей берегов Тигоды, территории, составившей впоследствии Тигодский погост Водской пятины, — существует, как известно, в «Уставе о мостех». Мы не будем подробно останавливаться на характеристике этого памятника; отметим лишь, что анализ его и, в частности, идентификация территорий, упомянутых в этом документе, проведенные В. Л. Яниным, представляются нам, в целом, безупречными. В то же время именно локализация центра Ильинского Тигодского погоста, возможного центра «тигожан» XIII в., приведенная В. Л. Яниным, видимо, неверна.¹¹¹ К. А. Неволин справедливо соотнес центр Тигодского погоста с погостом Тигодским на р. Тигоде Новгородского уезда (близ совр. г. Любань), особо отметив, что этот центр не следует соотносить с селом Мелеховым в устье р. Тигоды,¹¹² которое также часто именуется Тигодским погостом. В действительности же село Мелехово расположено на территории соседнего Солецкого погоста. Оно упоминается впервые в 1500 г.,¹¹³ между 1500 и 1539 гг. в нем выстраивается церковь, а «Тигодским погостом» (первоначально — «Тигодской выставкой») это село именуется лишь примерно с середины XVIII в. Впрочем, по какой-то причине архимандрит Сергей в своей работе по локализации селений Водской пятины не нанес на карту центр Тигодского погоста, что, вероятно, и создало историографический казус, в результате которого и в работе В. Л. Янина центр Тигодского погоста и «тигожан» указан на месте села Мелехова, в месте впадения Тигоды в Волхов, а не в 60—70 км выше по течению.¹¹⁴

4. *Слузовы*. Рассмотрим территорию Покровского Озерецкого погоста. До великокняжеских конфискаций практически весь погост находился во владении нескольких вотчинников из рода Слузовых. Так, шесть селений погоста принадлежали Якову Слузову и его племянникам («братаничам») Селифонту и Андрею Кондратовым, и еще одна деревня была у Якова с племянниками в совместном владении с Федорой Гла-

¹⁰⁸ НПК. Т. 5. Ст. 289.

¹⁰⁹ Там же. Ст. 296.

¹¹⁰ Там же. Ст. 289.

¹¹¹ См.: Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 118, карта.

¹¹² См.: Неволин К. А. О пятинах и погостах Новгородских XVI века // ЗРГО. СПб., 1853. Т. 8. С. 127—128.

¹¹³ НПК. Т. 3. Ст. 417.

¹¹⁴ Другой исследователь «Устава о мостех» В. А. Буров, критикуя многие позиции В. Л. Янина, не обратил внимания на неверную локализацию исследователем центра Тигодского погоста. В округу Новгорода, без которой «не мыслится» город, В. А. Буров включил и устье Тигоды, лежащее за 100 километров от города (Буров В. А. Очерки истории и археологии средневекового Новгорода. М., 1994. С. 124).

зоемцевой, вдовой известного новгородского посадника XV в.¹¹⁵ Еще две небольших волостки находились во владении двух вдов-вотчинниц — Олисавы, жены Ильи Служева,¹¹⁶ и Анны, жены Микифора Служева,¹¹⁷ вероятно, свойственниц Якова. Оставшиеся две деревни погоста принадлежали той же Федоре Глазоемцевой (отметим, что владения этой боярыни — селцо Озерца, деревни Болото и Взвар¹¹⁸ — занимали центральную и, вероятно, наиболее рано освоенную, часть погоста). На остальной территории Водской пятинны роду Служевых принадлежала лишь д. Рогатино Врудского погоста, располагавшаяся в непосредственной близости от основных владений Служевых.¹¹⁹ Таким образом, во владении Служевых на момент боярского вывода находились почти целиком Озерецкий погост и какие-то очень небольшие прилегающие к нему земли. Вероятно, за несколько поколений до присоединения Новгорода к Москве, где-то в первых десятилетиях XV столетия, весь погост мог целиком принадлежать какому-то общему предку этой семьи (при этом у нас нет сведений о вотчинах Служевых в других районах Новгородской земли). Надо заметить, что северная часть Озерецкого погоста (селца Будыни, Черное, д. Шумново, Рогатино, Лаканя) была заселена, видимо, еще в древнерусское время.¹²⁰

Кречатниковы. Обращает на себя внимание ранее подмеченное исследователями¹²¹ единство, родственность многих своеземческих фамилий и некоторых «сведенных» владельцев. В Водской пятине такими владельцами в первую очередь выступают Кречатниковы — род мелких владельцев, часть которых после конфискаций была сведена, а часть сохранила владения, подчас в рамках одного и того же погоста. В 1582 г. мы находим двор земцев Кречатниковых в Новгороде на Софийской стороне, в Загородском конце, на Щеркове улице.¹²² Отметим, что эти группы также достаточно хорошо локализируются в пространстве; владения как сведенных вотчинников, так и своеземцев — их однофамильцев — расположены бок о бок друг с другом, преимущественно в Тесовском, Оредежском, Ижерском и Будковском погостах. Наблюдая географию их владений, мы заметили, что, с одной стороны, они расположены на стыке нескольких погостов (прежде всего вышеупомянутых), возникнув, вероятно, вследствие освоения представителями этого рода разных периферийных территорий, а с другой стороны, стержнем их владений является р. Рыденка — именно здесь, кстати, в зоне древнейшего (как минимум XII в.) освоения края, в пограничье с владычной волостью Тесовым. Множество представителей этой фамилии (до 18—20) указывают на достаточно древнее (3—4 поколения, то есть 100 лет) происхождение этого новгородского рода, а незначительность

¹¹⁵ НПК. Т. 3. Ст. 716—724.

¹¹⁶ Там же. Ст. 714—715.

¹¹⁷ Там же. Ст. 712—713.

¹¹⁸ Совр. Извара.

¹¹⁹ НПК. Т. 3. Ст. 840.

¹²⁰ Как соотносится такое раннее заселение территории с зафиксированной нами цельностью, монолитностью погоста как практически единого земельного владения, не вполне ясно.

¹²¹ См.: Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина... С. 179.

¹²² См.: Майков В. В. Писцовая книга Новгорода Великого конца XVI в. СПб., 1911. С. 136.

владений — на вероятную принадлежность этих землевладельцев к категории житых. Ни в одной другой части новгородских земель найти Кречатниковых нам не удалось. Самыми видными землевладельцами рода Кречатниковых были Григорий Кузмин и Антон Кузмин — вероятно, братья: им принадлежали крупные волостки в разных погостах; именно их вотчины были конфискованы; почти все остальные представители этой фамилии сохранили свои волостки.

О землевладении Кречатниковых в Водской пятине мы писали в одной нашей работе.¹²³ С. Б. Веселовский считает, что упомянутые в 1563 г. Семен и Дружина (Владимир) Кречатниковы — московские подьячие, при встрече польских послов — были в родстве с Кречатниковыми новгородскими.¹²⁴ Нам такую стремительную карьеру представить сложно, зная дальнейшую судьбу других представителей этого рода в Новгородской земле. Еще одна ветвь Кречатниковых (или их однофамильцев) известна уже с 1495 г. среди помещиков Деревской пятины.¹²⁵ Эта ветвь доживает до начала XVII в.: в 1612 г. в Деревской пятине был вновь испомещен Андрей Васильев Кречатников,¹²⁶ а в 1628 г. упоминается его двор в Торжке.¹²⁷ Он, кстати, в 1642 г. был участником собора в Москве, принимавшего решение о том, оказывать или не оказывать помощь донским казакам, захватившим Азов.¹²⁸

5. *Веряжские*. Возможно, что и Веряжские — своеземцы — соседи Кречатниковых, вместе с ними населявшие д. Веряжино в Климентовском Тесовском погосте, находились в родстве с Кречатниковыми; в таком случае в руках этой семьи находилось все течение Рыденки. К 1582 г. мы уже не находим здесь представителей этой фамилии.

6. *Буйносовы*. Постоянными соседями Кречатниковых и Веряжских (а возможно, и родственниками) были Буйносовы. Фамилия Буйносовых на рубеже XV и XVI вв. встречается практически на той же территории, что и фамилия Кречатниковых. Буйносовы в 1500 г. — их ближайшие соседи, правда, живут они преимущественно в Никольском Будковском погосте, неподалеку от погостского центра. Интересно, что владения Игната Митрофанова Буйносова (жившего на погосте Будково),¹²⁹ Андрея Матфеева Сочевицына и Филиппа Фомина Сверчина-Кречатникова (живших в д. Сверчино)¹³⁰ на Тосне располагались в тесном соседстве. Нам представляется, что здесь можно говорить о неких совместных усилиях этих семей по колонизации незаселенного пространства к северу от основных владений. Отметим также на примы-

¹²³ См.: Селин А. А. К исторической географии Водской пятины // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1998. Вып. 12. С. 304—315.

¹²⁴ См.: Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 402.

¹²⁵ НПК. Т. 2. Ст. 883, 885, 887.

¹²⁶ Отдельные книги Водской пятины. 1612/13 г. (ГАШ; СПб ФИРИ. М/ф 307, без паг.).

¹²⁷ Писцовая книга города Торжка и посада письма и меры П. Д. Нарбекова и подьячего Б. Фадеева // Памятная книжка Тверской губернии на 1865 г. Тверь, 1865. Отд. 4. С. 9.

¹²⁸ Собор, держанный в присутствии государя царя и великого князя Михаила Федоровича духовными и светскими чинами о том, должно ли удержать за Россию взятый донскими казаками город Азов или отдать оный туркам обратно. 1642. 3.01 // СГГД. 1822. Ч. 3. № 113. С. 378—400.

¹²⁹ ВОИДР. С. 430—431.

¹³⁰ НПК. Т. 3. Ст. 75—76; ВОИДР. С. 431.

кающие к ним деревни своеземцев другого смежного Тигодского погоста, где в течение XVI в. прослеживается род своеземцев Котельниковых, также живших на явно недавно заселенных территориях, поодаль от крупных вотчин и погостских центров.¹³¹

Если в 1500 г. мы насчитали всего семерых представителей семейства Буйносовых,¹³² то на рубеже XVI—XVII вв. упомянуто уже девять членов этой фамилии, причем все они сохраняли принадлежность к служилому сословию. Более того, в течение XVI в. многие из них были поверстаны новыми поместьями (впрочем, в ближайшей округе своих вотчин).¹³³ Однако после Смутного времени Буйносовы пропадают из поля зрения, по всей видимости, все они погибли (один из последних Буйносовых, Иван Захарьин, известный как земец с окладом в 100 четей,¹³⁴ в 1610 г. был рассыльщиком в новгородском Поместном приказе¹³⁵).

7. *Своеземцы пограничья Лядского и Бельского погостов Шелонской пятины (Пажинские, Вешенские, Дворецкие, Житковицкие, Ровдицкие).*

На рубеже XV и XVI вв. болотистые районы пограничья Лядского и Бельского погостов Шелонской пятины заселяли практически одни своеземцы. Характерно, что если в Водской пятине мы постоянно фиксируем фамильные прозвища своеземцев уже на рубеже этих столетий, то в Шелонской пятине они бытуют повсеместно лишь со второй половины XVI столетия.

Характерной чертой землевладения этого района (ныне — это пограничье Лужского района Ленинградской области и Плюсского района Псковской области) является необычная для Полужья и Поплосья удаленность поселений друг от друга. Ко времени описания рубежа XV—XVI вв. практически все население этого района составляли своеземцы. Как показывают материалы писцовой книги 1571 г., большинство этих своеземцев принадлежало к низшей категории — они платили подмогу земцам дальней службы.¹³⁶ Что особенно примечательно, все своеземческие фамильные прозвища, связанные с населенными местами этого района (вынесены в подзаголовок этого раздела), сохраняются в источниках до середины XVIII в. Практически все здешние своеземцы в XVII в. инкорпорировались в новгородское дворянство, став одной

¹³¹ НПК. Т. 3. Ст. 408—411; Отписная книга поместий у земцев-нетчиков. 1594 (Вотч. контора. Д. 16947) // Материалы Поместного приказа по Новгороду и Новгородской области XVI—XVII вв. / Под общ. ред. А. А. Новосельского и А. И. Яковлева. М., 1928 (СПб ФИРИ. Кол. 276. Оп. 1. Д. 92. Л. 166).

¹³² Гридя и Васко Есиповы дети, Федор да Степан Михайловы дети, Игнат да Васко Митрофановы дети и Офанаско Кузмин сын (НПК. Т. 3. Ст. 96, 100—101, 300, 353, 354, 356; ВОИДР. С. 430—431).

¹³³ Ср., к примеру: «Да у них же отписано на государя царя и великого князя у земцов у Федки у Буиносова да у Федки Фомина в Ыванском погосте в Заверьяжском, что было им дано вместе с Нечайком с Окуневым селище, чб сц Копца вопче с Нвя ж да с своеземцы с Васильем с Микулиным...» (Отписная книга поместий у земцев-нетчиков... Л. 160—161; также поместье Ивана и Якова Буйносовых в Переездовском погосте, известное по дозору 1615 г. (Дозорные книги Водской пятины Корельской половины кн. Ивана Семеновича Путятина да подьячего Федора Прокофьева 1615, авг. — NOA. Riksarkivet. Stockholm. Serie I: 8. Л. 90).

¹³⁴ Десятина 1605. С. 489, № 542.

¹³⁵ Поручная запись по Терентии Васильеве с Воинове, посыльным подьячим Поместной избы. 1610. 21.07 (NOA. Riksarkivet. Stockholm. Serie II: 174. Л. 4).

¹³⁶ НПК. Т. 5. Ст. 538—541 и далее.

из самых малоземельных ее частей.¹³⁷ Этот процесс фиксируется уже в начале XVII в. Земельные владения Василия Дворецкого по отделу 1612/13 г. были розданы Степану Домашневу Дворецкому и Ивану Андрееву Толбугину, естественно — в поместье.¹³⁸

Эта группа владельцев примечательна в первую очередь географией своего распространения. Создается впечатление, что большое число своеземческих фамилий, родственных между собой, заселявших практически монополюно пустынные земли, представляют собой группу колонистов последних лет новгородской независимости, самостоятельно работавших незаселенные пространства и получивших их в вотчины, которые были сохранены московскими чиновниками.

Измельчание своеземцев Лядского и Бельского погостов налицо уже в конце XVI в.: если упоминавшийся нами корельский земец Бабинский был выбран в 1602/03 г. в губные старосты, то своеземцы Игнатий и Урус Закрупские и Томило Ровдицкий выступали в 1573 г. в качестве целовальников, то есть, по сути дела, во вполне крестьянской функции.¹³⁹

8. *Ласунские.* Семейное прозвище своеземцев Ласунских, несомненно, связано с д. Ласуни и Поддубье Ласуни в Каргальском погосте Водской пятины, в которых в 1500 г., согласно писцовой книге Дм. Китаева, проживало пять человек своеземцев.¹⁴⁰ Известный нам староста Тесовской дворцовой волости Даниил Ласунский,¹⁴¹ без сомнения, то же лицо, что и Даниил Юрьев Ласунский — земец Водской пятины с окладом в 200 четвертей, упомянутый в Десятне 1605 г.¹⁴² В 1612/13 г. он получил поместье в Кипенском погосте Водской пятины (причем часть поместья — из бывшего поместья земца Тимофея Плавковского¹⁴³) и, вероятно, «малую треть» в Климентовском Тесовском погосте,¹⁴⁴

¹³⁷ В переписной книге Шелонской пятины 1706 г. упомянуты помещики Кондратий Кириллов Вешенский, Алексей Дмитриев и Козьма Семенов Дворецкие, Кирилл Максимов и Трофим Антипов Пажинские (Переписная книга помещичьих, вотчинных и монастырских крестьян, церковнослужителей Шелонской пятины Новгородского уезда переписи Дм. Тим. Аничкова. 1706/07. Подлинник — РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8575. Л. 197 об., 224 об., 219 об., 225). Все эти фамилии соответствуют названиям деревень вышеописанного лесного района, которые и находились во владении этих земцев еще по данным 1498 и 1571 гг. Некоторая мобилизация земельного фонда здесь, естественно, происходила, но в основном внутри этих земских родов, так что, став полноценными новгородскими помещиками, они владели в начале XVIII в. практически теми же землями, что и их предки на рубеже XV—XVI вв.

¹³⁸ Роспись поместьям детей боярских Шелонской пятины, которым даны поместья в 121 и 122 гг. 1613/14 (NOA. Riksarkivet. Stockholm. Serie II: 139. Л. 13, 14).

¹³⁹ Обыскная книга Ивангородского окологородья. 1573. 25.02 // *Самоковасов Д. Я.* Архивный материал... Т. 2. Ч. 2. С. 336—340.

¹⁴⁰ НПК. Т. 3. Ст. 547.

¹⁴¹ Список с писцовой книги дворцовых сел, деревень и пустошей Воцкой пятины письма и дозора Я. И. Зайцева и подьячего И. Лазарева. 1620 (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 749).

¹⁴² Десятня 1605. С. 483; там же упомянут его родственник Андрюшка Падоркин Ласунский (с. 489).

¹⁴³ Отдельные книги Водской пятины. 1612/13 (ГАШ; Спб ФИРИ. М/ф 307, без паг.).

¹⁴⁴ Поручная запись крестьян Климентовского Тесовского погоста по посощному человеку Иване Зиновьеве, данная Миките Матфеевичу Зиновьеву и губному старосте Михаилу Неелову. 1613. 14.09 (NOA. Riksarkivet. Stockholm. Serie II: 189. Л. 1).

в 1615 г. владел частью деревни Дорошково во Вздылицком погосте (одним из его совладельцев был земец Иван Большой Ласунский, двумя другими — земцы Самсон и Анкудин Облущие¹⁴⁵), а после Смуты, к 1620 г., вернулся на территорию Новгородского уезда. Отметим, что в 1612 г. при обыске земель Егорьевского Вздылицкого погоста он именуется земцем,¹⁴⁶ в 1620 г. он назван старостой села Тесова без указания на социальную принадлежность,¹⁴⁷ а в 1629 г. записан среди других помещиков — дворян и детей боярских.¹⁴⁸ Позднее, в XVII—XIX вв., известны помещики Ласунские, владевшие землями в районе Тесова. В 1623 г. упоминается Андрей Ласунский, сын боярский Водской пятины,¹⁴⁹ 18 июля 1650 г. под Псковом был убит новгородец Савватий Ласунский,¹⁵⁰ в 1771 г. подпоручик Емельян Иванов сын Ласунский владел землей в Быстревском погосте Шелонской пятины,¹⁵¹ секунд-майор Ласунский в 1844 г. был одним из совладельцев пустоши Моглогостье в районе Тесовского погоста, капитан Ласунский в том же году владел пустошью Заолеше в соседнем Лусском погосте.¹⁵² Род Ласунских представляет собой наглядный пример того, как потомки новгородских землевладельцев в течение XVI—XVII столетий успешно инкорпорируются в дворянскую среду.

9. *Немковы и Гиблы.* Среди городских земцев Орешка особая роль принадлежит Немковым — известному с 1500 г.¹⁵³ многочисленному роду, часто упоминавшемуся в документах начала XVII в. В 1605 г. городовым приказчиком в Орешке был Тренка (Третьяк) Филиппов сын Немков.¹⁵⁴ На осадной службе в Орешке упомянуты его родственники, Губа Гордеев и Кирьяк Пахомов,¹⁵⁵ поверстанные смехотворными окладами в 20 четвертей. При этом Третьяк Немков известен как посль-

¹⁴⁵ Дозорные книги Полусской половины Водской пятины дозору Михаила Неелова да подьячего Семейки Шустова. 1615, окт. (NOA. Riksarkivet. Stockholm. Serie I: 6. Л. 152—154).

¹⁴⁶ Обыскные книги Егорьевского Вздылицкого погоста. 1612. 15.07 (ГАШ; СПб ФИРИ. М/ф. 481, без pag.).

¹⁴⁷ Список с писцовой книги дворцовых сел, деревень и пустошей Воцкой пятины письма и дозора Я. И. Зайцева и подьячего И. Лазарева. 1620 (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 749).

¹⁴⁸ Выпись из писцовых книг письма и меры Федора Маврина да подьячего Андрея Козловского 1629 г. за приписью дьяка Филиппа Арцыбашева (СПб ФИРИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 65. Л. 244).

¹⁴⁹ Челобитная Воцкие пятины сына боярского А. Ласунского о беглых, ограбивших его. 1623 (СПб ФИРИ. Кол. 109. Д. 120).

¹⁵⁰ Окулич-Казарин Н. Ф. Старинные синодики. Синодик Псковского Троицкого собора Труды ПАО. Вып. 6. Псков, 1910. С. 67.

¹⁵¹ Купчая на землю отставного подпоручика Емельяна Иванова сына Ласунского в Новгородском уезде в Быстревском погосте, проданную отставному капитану Петру Алексееву сыну Шаблыкину за 20 рублей. 1771. 10.01 (СПб ФИРИ. Кол. 154. Оп. 2. Д. 666).

¹⁵² Уменьшенный план Ведомства Новгородской удельной конторы лесных дач Новгородского удельного имения Новгородского уезда, состоящих в Тесовском приказе с показанием предположения о назначении оных заказных рош и отделений на годовые лесосеки. 1844 (РГИА. Ф. 515. Оп. 71. Д. 482).

¹⁵³ НПК. Т. 3. Ст. 829; ВОИДР. С. 189—190, 226—227.

¹⁵⁴ «Орешковский земец был в Орешке в городовых приказчиках, а поместным окладом и денежным жалованием был не верстан. А ныне по грамоте во 114 году поместным окладом и денежным жалованием поверстан. Служити ему с пятиною вместе. 150 чети. Тренка Филиппов сын Немков» (Десятия 1605. С. 490).

¹⁵⁵ Десятия 1605. № 636, 637. С. 495.

ный к царю Борису Годуну в 1599/1600 г., то есть налицо развитие карьеры этого земца.¹⁵⁶ Интересна судьба потомков Третьяка Немкова. Мы находим их в XVII в. среди ладожского торгового посадского населения — 20 июня 1663 г. ладожские посадские торговые люди Антипко Романов сын Гиблой, Никифорко Иванов сын Лешкин, Васька да Юшка Офонасьевы дети Немков составили сказку о своей торговле в шведских владениях.¹⁵⁷ При этом попадание ореховских земцев в среду ладожских посадских объясняется просто — по разрядным книгам начала XVII в. ладожский посад был составлен из ладожских и ореховских посадских людей; последние, вероятно, перешли на ладожский посад после Столбовского мира.¹⁵⁸

Появление своеземцев — мелких новгородских вотчинников — в Ладого достаточно своеобразно. На рубеже XV—XVI вв. их практически нет: основная масса землевладельцев Ладого и окрестных земель, которые могли бы быть отнесены к категории житых людей, потеряла свои владения после конфискации Ивана III. О землевладении Сарских и Победицких мы сказали выше; кроме того, по всей видимости, к житым относился и Семен Мартынов Анойкин Порожский, упомянутый в писцовой книге 1500 г.,¹⁵⁹ как-то связанный с Порожской волостью.¹⁶⁰ Выше мы уже упомянули о Любских и об их месте в составе населения Ладого и Ладожской округи.

Новые данные о своеземцах в Ладого дают материалы XVII в. Согласно разрядным книгам этого времени, население города после Столбовского мира составляли, кроме стрельцов, казаков и пушкарей, также посадские люди, ладожские и ореховские (в 1617—1618 гг. всего 64 человека).¹⁶¹ Следовательно, после Столбовского мира часть населения Орешка, согласно русско-шведским договоренностям, вышла из Орешка и переселилась в Ладого. При рассмотрении состава населения Ладого в XVII в. и сравнении его с населением Орешка в XVI—начале XVII вв. выявляются интересные особенности.

Одним из самых известных людей Ладого в XVII в. был Антипа Гиблой — известный торговый человек, построивший Антипьевский придел в Никольском монастыре¹⁶² и подписавший в 1649 г. Соборное уложение (из городов «от немецкой украины» Уложение подписали: «Новгородец посадцкий человек Андрей Шелковников и в место товарища своего Никифора Климки и ладоженина Антипы Гиблого да Пор-

¹⁵⁶ Новгородские кабальные книги 7108 (1599—1600) года. СПб., 1894. С. 34.

¹⁵⁷ Сказка ладожских посадских торговых людей в ладожской приказной избе об условиях их торговли в шведских владениях. 1663. 20.06 // Русско-шведские экономические отношения / Сб. док. М.; Л., 1960. № 157. С. 233—234.

¹⁵⁸ Книги разрядные по официальным оным спискам. СПб., 1853. Т. 1. Ст. 390.

¹⁵⁹ НПК. Т. 3. Ст. 960.

¹⁶⁰ Возможно, отошедшая ко Дворцу еще в 1478 г. Порожская волость не полностью принадлежала Софийскому дому. Мы делаем это заключение по аналогии с теми дворцовыми волостями, которые, как нам известно, имея в своей основе крупную вотчину республиканской поры, были объединены с небольшими смежно расположенными владениями новгородцев. Так, к примеру, была составлена на рубеже XV—XVI вв. Тесовская волость (этой теме посвящена наша отдельная работа: *Селин А. А.* Еще раз к исторической типологии Тесовской волости [в печати]).

¹⁶¹ Книги разрядные по официальным оным спискам. СПб., 1853. Т. 1. Ст. 390, 522.

¹⁶² Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. СПб., 1871. Т. 2.

ховитина Остафья Панфилова по их велению руку приложил»,¹⁶³ то есть два новгородца, ладожанин и порховитин). 20 июня 1663 г. Антипа Романов сын Гиблой — среди ладожских торговых людей, доносивших о том, на каких условиях они торгуют со Швецией. Обратим внимание и на имена других ладожских посадских торговых людей, подписавших эту сказку: «Васька да Юшка Офонасьевы дети Немковы, Сенька Петров сын Гиблой».¹⁶⁴ Последний, вероятно, родственник Антипы Романова; о Немковых мы писали выше, рассматривая проблему ореховских городских приказчиков начала XVII в.

Через три года, 22 июня 1666 г., еще один документ об условиях русско-шведской торговли содержит имена Гиблых и Немковых.¹⁶⁵ Антипы Романова, вероятно, больше нет, но зато в документе упомянуты Юшка Савельев сын Гиблого и братья Немковы, причем уже не двое, а трое — Юшка, Васька и Гришка. Гиблые после этого времени мне не известны, а один из Немковых — Сава Васильев сын — отмечен в сметной росписи Ладоги 1698 г.¹⁶⁶

Все они, и Гиблые и Немковы, известны среди жителей Орешка конца XVI—начала XVII вв. Причем Третьяк Немков в новгородских кабальных книгах назван Ореховским земцем, которого посылали из Новгорода в Ладогу в марте 1600 г.,¹⁶⁷ а Прокофий Дорофеев Гиблой — по всей вероятности, торговый человек-ореховец, записанный под Рождество 1610 г. в новгородские таможенные книги¹⁶⁸ (кстати, в них отмечен только один ладожанин — Никита Григорьев, везший в Русу «на дву возех сто пятьдесят сох олонецких»¹⁶⁹). Известен еще и Иван Немков, 13 июня 1615 г. продавший на Новгородский денежный двор 5 рублей.¹⁷⁰

Таким образом, среди попавших в состав посадского населения Ладоги в начале XVII в. ореховские посадские люди заняли в составе посада важное место. Достаточно сказать, что в вышеупомянутых сказках ладожских торговых людей XVII в. в основном — ладожане ореховского происхождения. Такая социальная трансформация своеземцев в торговых людей может служить еще одной иллюстрацией к судьбам этой категории новгородского общества.

¹⁶³ Забелин И. Е. Сведения о подлинном Уложении царя Алексея Михайловича // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. СПб., 1876. Кн. 1. Отд. 2. С. 210.

¹⁶⁴ Сказка ладожских посадских торговых людей в ладожской приказной избе об условиях их торговли в шведских владениях... С. 233—234.

¹⁶⁵ Сказки ладожских посадских людей в Новгородскую приказную палату о прекращении ими поездок в Стокгольм в связи с неблагоприятными условиями торговли в шведских владениях. 1666. 22.06 // РШЭО. № 183. С. 292.

¹⁶⁶ Сметная роспись города Ладоги. 1694. 5.11 // Обыкновенные книги (годовые сметные росписи) Новгорода, Ладоги, Порхова (СПб ФИРИ. Кол. 115. Оп. 1. Д. 324. Л. 175—182).

¹⁶⁷ Новгородские кабальные книги 7108 (1599—1600) года. С. 34.

¹⁶⁸ Таможенные книги Великого Новгорода 1610/11 и 1613/14 годов. СПб., 1996. С. 133.

¹⁶⁹ Там же. С. 181.

¹⁷⁰ Книги покупки старых денег на денежный двор. 1614/15 (NOA. Riksarkivet. Stockholm. Serie I: 14. Л. 56).

Вышеприведенные заметки, как мы полагаем, создают определенное представление о судьбах потомков новгородских землевладельцев в XVI—XVII вв. Кажется важным подчеркнуть, что многие из них сохраняют преэмественность во владениях до XVIII в. и достаточно большой группой входят в новгородскую дворянскую корпорацию.¹⁷¹

Выделим также и сюжет, связанный с географией земецкого землевладения. Как в случае с тосненскими вотчинами Кречатниковых и Буйносовых в Водской пятине, так и в случае с земецкими вотчинами на пограничье Лядского и Бельского погостов Шелонской пятины мы наблюдаем колонизируемые этими землевладельцами участки, причем заселенные, по всей вероятности, незадолго до присоединения Новгорода к Москве.

¹⁷¹ На этом фоне нам представляются не вполне справедливыми замечания В. М. Воробьева и А. Я. Дегтярева о том, что к середине—второй половине XVII в. в новгородских пятинах земцы исчезают (см.: *Воробьев В. М., Дегтярев А. Я.* Русское феодалное землевладение от «Смутного времени» до кануна петровских реформ. Л., 1986. С. 56, 74, 132). Корректней, вероятно, говорить об инкорпорации земцев в новгородское дворянство, которая, кстати, началась уже в середине XVI в., как о длительном процессе.